

12+

Михаил Гудаев
Шойна в 1941 - 1945 годах
(к 75 - летию Победы)

Михаил Гудаев

Шойна в 1941 – 1945 годах

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Гудаев М. В.

Шойна в 1941 – 1945 годах / М. В. Гудаев — «ЛитРес:
Самиздат», 2018

ISBN 978-5-532-11785-3

В течение нескольких лет собирал сведения об участниках Великой Отечественной войны 1941 - 1945 года небольшого заполярного посёлка Шойна, расположенного на полуострове Канин в Архангельской области. В книге персональные данные на ветеранов, их боевой путь, фотографии. Жители Шойны защищали Родину почти по всем фронтам от Новой Земли на севере до Крыма на юге, участвовали и в войне с Японией. Среди участников ездые оленные отряды, стрелки, связисты, разведчики, артиллеристы установок "Катюша", танкисты, летчики

ISBN 978-5-532-11785-3

© Гудаев М. В., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

К читателю	5
Шойна в предвоенные годы	7
В будущем городе Шойне	7
В Шойне надо организовать кирпичное производство	8
На сыпучих сопках	9
Шойна и Канин в годы войны	11
Бомбардировка в Шойне в годы войны	11
Назови мне, Канин, имена	13
Эхо минувшей войны	15
Здесь война ощущалась острее	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

К читателю

*Эту книгу посвящаю своим родителям,
своим старшим братьям и сестрам.*

Гудаев Михаил Васильевич

Я принадлежу к послевоенному поколению, правда от Победы меня отделяет всего один год. 1946 год, когда я родился – год первый послевоенный. Только что отгремела самая страшная в истории двадцатого столетия мировая война. Солдаты – победители вернулись с фронтов. Страна только начинала жить в мирной обстановке, восстанавливала разрушенное. Тяготы

прошедшей войны еще долго сказывались на жизни людей. Как говорится – это были трудные послевоенные годы.

Наша семья мать и пятеро старших братьев и сестер жили в годы войны в деревне Койда, Мезенского района. Самой старшей сестре в 1941 году было 10 лет. Мать работала на почте письмоноской. Отец был на войне, служил связистом при штабе Первой Ударной Армии и прошел путь от Москвы до Балтики.

Думаю, что выражу чувства всех послевоенных детей. Победа и возвращение наших отцов живыми с фронтов Великой Отечественной имеют для нас еще более значимое значение. Мы обязаны этой Победе жизнью.

Своего отца я почти не помню. Он вернулся с войны тяжело больным и почти постоянно находился на лечении в больницах Мезени и Архангельска.

Деревню Койду я тоже не помню. Мать в июне 1948 года, когда мне не было ещё и двух лет, переезжает в становище Шойну на полуостров Канин. Старшая сестра в эти годы уже работала на лесозаготовках в Пинежском районе. Братья в Шойну уехали раньше и уже работали на Канинском рыбзаводе. В Шойне в послевоенные годы размещалась крупная рыбопромышленная база Архангельской области. Люди сюда приезжали отовсюду, находили работу и жилье.

Отец в Шойну приезжал только один раз. В октябре 1949 года в возрасте 44 лет он умер в Мезенской больнице. В 1952 году и старшая сестра также переезжает в Шойну. Шойна стала для нас Малой Родиной. Она спасла нашу семью, оставшуюся в самые трудные послевоенные годы без отца. Здесь была возможность работать и зарабатывать на жизнь, учиться и получать образование. Помогали выжить в этих трудных условиях хорошие люди, возможности выловить рыбу на питание. Присутствие рядом оленеводов позволяло купить оленину. В тундре можно было в летний период собрать грибы и ягоды.

В Шойне я окончил школу, ушел отсюда в армию. Вернувшись, работал на маяке. После окончания института восемь лет работал в Шоинской средней школе директором. Выехал из Шойны только в 1984 году в город Новодвинск, где ещё пятнадцать лет проработал директором школы-интернат для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

О своём отце я знал только по рассказам матери и старшей сестры. Мысль о том, чтобы больше узнать об отце, его боевом пути не покидала меня никогда. Всегда интересовала и история заполярного поселка Шойна, где я прожил больше тридцати лет. Но не хватало времени, работа занимала всё. И только уже не работая, будучи на пенсии я занялся вплотную этими вопросами.

Живых ветеранов в поселке сегодня уже не осталось. В Шойне есть свой мемориал, куда вписаны имена солдат Второй мировой войны.

Так уж сложилось, что население поселка Шойна формировалось в 30-е годы в основном поморами Мезенского района. Вблизи Шойны кроме Канинских ненцев жили люди в таких рыбацких поселениях как Торна, Горбы, Кия ...

Судьбы ветеранов и их семей связаны с проживанием не только в Канино-Тиманском и Мезенском районах, но и многих других районах Архангельской области, различных уголках нашей страны, России.

В течение нескольких лет, используя сайты МО “Подвиг народа”, “Мемориал” и электронных книг Памяти мне удалось собрать довольно большой материал о земляках, жителях Шойны, участниках Великой Отечественной войны. Мне кажется это только малая часть сведений о фронтовиках.

География участия в Великой Отечественной войне воинов из Шойны простирается от Новой Земли до Крыма.

Михаил Гудаев

Шойна в предвоенные годы

В будущем городе Шойне

Становище Шойна

Какой была Шойна в довоенные и военные годы могу судить только по рассказам земляков и материалам газет тех лет.

Так в Архангельской областной газете за 1935 год есть статья.

«Только два года тому назад становище Шойна на Канинском полуострове было небольшим пунктом, где жили мезенские и ниже-печорские рыбаки. Что представляет собою Шойна сейчас? Здесь вырос консервный завод, выпускающий 2.500.000 банок в год.

При заводе есть поселок и пригородное хозяйство. Более десятка коров, более сотни свиней, до тридцати лошадей имеет хозяйство. Поселок Шойна, который со временем превратится в город, состоит из жилых домов, клуба, бани, столовой, школы, больницы.

Для того, чтобы механизировать богатые рыбные промыслы полуострова, в Шойне открывается моторно-рыболовная станция, так называемая «МРС». На Шойне строительство станции уже идет. Станция поможет рыбакам полуострова осваивать морские богатства.

Интересно отметить, что в Шойне на консервном заводе к станкам пришли впервые рабочие-ненцы.

Среди них есть уже ударники, например т. И. Канюков, премированный за образцовую работу. В 1935 году на Шойне будут работать до 25 рабочих-ненцев».

Автор – С.Мар.

В Шойне надо организовать кирпичное производство

(Статья из окружной газеты «Нярьяна-Вындер», от 11 мая 1939 года.)

“До сегодняшнего дня строительство в Шойне велось из собираемого с берегов аварийного леса (он же служил и топливом). Но держать ставку на него дальше нельзя. Кто же не знает, что моль на Северной Двине запрещена, а значит и прекратится приплав самотеком аварийной древесины. Есть ли другие какие-то виды строительных материалов в Шойне? Есть.

В Шойне есть полная возможность строить более долговечные, чем деревянные огнестойкие как жилые дома, так и производственные предприятия из кирпича. Наличие запасов глины и кирпичного завода позволяют перевести строительство на этот вид строительного материала.

Наличие запасов гравия и камня обеспечивают возможность приготовления бетона. Транспортировка камня и гравия (карьеры камня, гравия и гальки от Шойны в 5-6 километрах) возможна автомашинами и гусеничными тракторами.

Сейчас стоимость одного кубометра деревянного срубленного здания составляет 48 – 50 рублей. Стоимость 1 куб. кирпичного здания обойдется в 59 рублей. Как видно из сопоставления стоимость удорожается, но зато это более прочное и долговечное здание.

Вполне возможно в Шойне вести строительство и из дикого камня с заполнением стенок обработанным камнем в опалубке на цементном растворе. В условиях Шойны это также не плохой вид стройматериалов. На Терском берегу здания строятся, например, из дикого камня. Один кубометр здания из дикого камня будет стоить 51 руб.

Кирпич, дикий камень – эти виды строительных материалов могут сразу ликвидировать напряженное положение со строительством в Шойне. Добычу этих материалов нужно развернуть как можно скорее. В частности, кирпичный завод надо расширить. Он уже в этом году может дать в результате реконструкции полмиллиона штук кирпича. И это тогда, как для строительства одного восьми квартирного дома потребуется 350 тысяч штук кирпича. В дальнейшем (после реконструкции и расширения) Шоинский кирпичный завод сможет дать кирпича на 4-5 зданий в сезон”. Автор – Прораб строительства Шоинского рыбозавода Н. Я. Богданов.

От редакции: “Мы считаем, что вопрос, поднятый т. Богдановым о стройматериалах для Шойны, в частности о кирпичном заводе, заслуживает самого пристального внимания ввиду крайней целесообразности. Не лишне отметить, что в 1935 году на этом заводе при существующем оборудовании было изготовлено 350 тыс. штук кирпича. Сейчас завод при десяти рабочих может изготавливать ежедневно 5 тыс. штук сырца и обжигать ежедневно 3 тыс. штук”.

На сыпучих сопках

(Материал из окружной газеты «Нярьяна-Вындер», от 3 января 1940 года.)

“10 лет назад на берегу реки Шойны, при впадении ее в море, на сыпучих сопках – дюнах, стояли две рыбацких, покосившихся избышки.

Ветер, волны, пурга. И никого. Изредка бывали здесь заезжие рыбаки, половить осенней наважки, да заглядывали в поисках пушного зверя охотники.

1930 год положил конец вековой тишине, висевшей над полуостровом. И хотя ветер, море, сопки оставались теми же, Шойна перестала быть безнадзорной, стала рыбопромысловой базой.

За 10 лет существования её, здесь выросли – 2 небольшие электростанции, рыбоконсервный завод, цеха первичной обработки рыбы, гиметеостанция, механические мастерские Канинской моторно-рыболовной станции.

Не заезжие рыбаки, а местные, вооруженные усовершенствованными орудиями лова, стали промышленно ловить рыбу на Канине, выезжая в море на огненной лодке “ту нгапо” (моторный бот).

Ожило море, ключом забила жизнь на берегах Шойны. Во стократ увеличилось население по сравнению с 1929 годом.

Появились в Шойне мастера новых профессий: механики, слесаря, ботоводители, мотористы, прокатчики, обрезающие, обжарочники, засольщики, шкерщики и другие.

Потребовались специальные знания в рыболовном деле. И рыбак учится, повышая свою квалификацию на курсах и семинарах. Вместо улова в 20 – 30 центнеров наваги за сезон рыбаки – колхозники за один летний сезон дают государству десятки тысяч центнеров – трески, пикши и других пород рыб. Промышляют рыбаки и навагу, но только не десятки, а сотни центнеров добывают они уже ее. Кроме того, поставляют стране рыбаки десятки тонн белужьего жира и мяса акулы.

Шойна сейчас, это несколько десятков жилых домов, электрический свет в квартирах, больница – как средство охраны здоровья людей, советские школы – где право на образование широко использует не только молодое поколение, но и взрослое. Шойна – это клуб, кино, радио, библиотеки.

Изменился за 10 лет и облик тундры. На полуоседлый образ жизни переходит кочевое население. В колхозы объединились ненцы, чтобы жить радостно и зажиточно. Изменился быт. Прочно вошла в жизнь населения культура.

Вышли из лексики ненецкого народа термины – бедняк, батрак, осталось одно – колхозник, материально обеспеченный, рационально трудящийся, культурно отдыхающий.

Шойна – форпост советской культуры, кузница кадров. Не одну сотню грамотных ненцев выпустила школа в Шойне за эти 10 лет.

Растут кадры рабочих из местного населения. Ненец И.Г. Пичков – работает заместителем директора рыбозавода, Варницына С.В. – стахановка консервного завода – образец дисциплины и социалистического отношения к труду, депутат райсовета.

Многие учащиеся Канинской ненецкой школы продолжают учебу: П.Я. Ванюта, П.С. Вокуева – студенты отличники педучилища. Многие работают. М.Ф. Ханзерова – инструктор окружкома комсомола, Хатанзейская П.В. – депутат и заместитель председателя райсовета, А.П. Сулентьев – зав. Красным чумом, Тальков В.А. и Ардеева Н.Ф. работают счетоводами колхозов и т.д.

С каждым годом все большее значение приобретает поселок, возникший на сыпучих сопках – дюнах. Замечательны перспективы Шойны. В ее окрестностях находят советские геологи слюду, уголь, нефть.

Шойна растет не по годам, а по дням. Бурно расцветает здесь, за полярным кругом, рыбодобывающая и рыбообработывающая промышленность. Увеличивается флот моторно-рыболовной станции. Строятся новые школы, жилые дома, здания цехов, мастерские.

Автор – Н.С. Карпов – орденосец, депутат окружного Совета.

Шойна и Канин в годы войны

Бомбардировка в Шойне в годы войны

Съемки немецким самолётом Шойны в 1943 году.

Из рассказа бывшего жителя посёлка Коткина Игнатия Павловича.

“В Шойну я с мамой приехал из Мезени в 1943 году. Жили у дяди Коткина Николая Агафоновича. На хуторе батарея располагалась перед нашими окнами. Перевод батареи в Йоканьгу происходил летом 1944 года. Запомнил потому, что были каникулы, и я в это время жил в Торне у бабушки и дяди Якова. Это в двадцати километрах севернее Шойны.

В день отправки батареи, когда были сняты орудия на погрузку, Шойну начал бомбить немецкий самолет, бросал зажигалки, одна из них упала у старого деревянного маяка остальные на кошку.

Это по рассказам жителей Шойны. А мы в Торной в это время слышали стрельбу корабельных орудий, стрелявших видимо по самолету, да так громко, что у нас в рамах звенели стекла.

Мы пацаны лезли на крыши стараясь высмотреть что-нибудь на море, но за двадцать километров что увидишь. Правда, минут через двадцать – тридцать мимо нас со стороны Шойны пролетели в сторону Канина три наших истребителя. Низко летели, хорошо было видно. А вот обратно как летели, не видели, наверно другим маршрутом улетели”.

Назови мне, Канин, имена

Обелиск погибшим летчикам в Нарьян-Маре

(Статья из газеты “Правда Севера” от 6 мая 2015 года. Автор – Виктор Ерюхин, г. Архангельск.)

“Накануне празднования 70-летия Великой Победы память невольно возвращает в прошлое, к событиям, связанным с той страшной войной. Одно из них до сих пор меня волнует до слез и не дает покоя.

В 1977 – 1982 годах я работал начальником крупного геологосъемочного отряда, работавшего на кряже Канин Камень в одном из отдаленных уголков нашей Родины. В 1979 году геолог Евгений Соколов во время маршрута на сопке Горелой обнаружил обломки самолета ПЕ-3 и два ручных пулемета. Об этом он сообщил мне, и я решил после завершения полевого сезона выяснить обстоятельства гибели самолета и имена погибших летчиков.

В 1980 году в газете «Няръяна вындер» в канун Дня Победы была опубликована статья бывшего председателя оленеводческого колхоза Ю.С. Егорова, проживавшего в деревне Несь, о самолете и его геройском экипаже, сложившем головы на Канине 24 ноября 1942 года в районе сопки Горелой. Статья называлась «Назови мне их имена».

В тот роковой день оленеводы видели, как стремительно падал пылающий самолет, слышали мощный взрыв. Когда они добрались на место трагедии, увидели горящие обломки самолета и тела двух летчиков. Их бережно погрузили на нарты, отвезли в Несь, где они и были захоронены.

В деревне Несь живет красивая легенда о бессмертии героев-летчиков, где их сравнивают со звездой в ночном небе, которая предвещала победу России в борьбе с немецкими захватчиками.

Вернувшись с полевых работ в Нарьян-Мар, сразу же взялся за сбор материалов о героях-летчиках. И получил информацию, которой мне так не хватало. Мой друг геолог Володя Щукин во время отпуска был в городе Вольске и привез газету со статьей об экипаже ПЕ-3 95-го истребительного полка – в составе командира, старшего лейтенанта Бориса Михайловича Михина, и штурмана, лейтенанта Николая Михайловича Никульникова, геройски сражавшихся с фашистскими самолетами в небе над Баренцевым морем и погибших на Канине.

Сроки их подвига совпали, и у меня уже не было сомнений – это они. Что подтвердил и подполковник А.В. Жатьков, который в тот день летал в паре с самолетом Михина для прикрытия с воздуха транспорта союзников, доставлявших грузы в Архангельск из Англии и США.

В 1980 году накануне праздника Победы я побывал в краеведческом музее Нарьян-Мара, где среди других экспонатов сразу же увидел два искореженных ручных пулемета с самолета ПЕ-3, доставленных с Канина. Я рассказал работникам музея об истории находки, о летчиках Михине и Никульникове и выразил надежду, что отважным летчикам будет поставлен памятник на месте их гибели или в Нарьян-Маре.

В 2007 году я прилетел в Нарьян-Мар по служебным делам и во время прогулки в районе старого аэродрома увидел красивый гранитный памятник, поставленный здесь два года назад к 60-летию Победы в честь летчиков, погибших на территории Ненецкого округа (Канин, Тиман и др.).

В годы войны наши отважные летчики в невероятно трудных условиях Заполярья с огромным риском для жизни сопровождали конвои судов, уничтожали немецкие подводные лодки и самолеты, вели ледовую разведку. Имена погибших летчиков и типы самолетов написаны золотой краской. Венчает памятник летящая чайка – символ полярной авиации. Я нашел имена дорогих моему сердцу вестников Победы – командира Б.М. Михина и штурмана Н.М. Никульникова и низко поклонился им”.

Эхо минувшей войны

(Материал из газеты Нярьяна Вындер. Автор – Ханзерова Ирина.)

"Мы привыкли говорить о том, что многие беды Великой Отечественной все-таки обошли наш округ стороной: на территории НАО не было боев, хотя вражеские самолеты и немецкие подводные лодки постоянно бороздили пространства вдоль побережья Белого и Баренцева морей.

Сохранилось и немало воспоминаний наших земляков, особенно кочевавших в годы войны по тундровым пространствам от Сунгирского до Канина, о встречах и следах пребывания фашистов. Это были не только свежие могилы немецких подводников, появившиеся в районе Варнека в течение одной ночи, или почтовые мешки с письмами немецких солдат. Это были и коробки с печеньем, бочки с лярдом (салом) с разбитых кораблей, и многое другое, что служило для наших земляков свидетельством последствий «близких военных канонад», доносившихся со стороны моря.

Говорят, что прибрежная акватория Белого и Баренцева морей была практически нашпигована минами, поэтому ни одна подводная лодка не могла пройти незаметно, ни один корабль без особого сопровождения не мог миновать водные минные поля Белого моря. И даже сейчас, по прошествии 70 лет со дня начала Великой Отечественной войны, море продолжает выбрасывать на берег тайны Второй мировой.

Во время моей последней поездки в Шойну мне удалось обнаружить немало подтверждений «боевых» будней маленького, занесенного песками, поселка. Здесь из-за частых полетов вражеской эскадрильи и бомбардировки территории местной зенитной части в годы войны прямо в сопке даже было вырыто бомбоубежище, куда по сигналу тревоги собирались ученики местной школы, рабочие рыббазы и все остальное население. Правда, до его постройки при налетах все местное население разбивали «на пятерки» и отправляли прятаться среди песчаных барханов.

Маяк подавал сигнал тревоги, и группы взрослых и детей по пять человек разбежались в разные стороны, чтобы фашистский самолет их не заметил, а если заметил, то не всякий летчик станет тратить бомбы и патроны на маленькую кучку безобидных граждан. Другое дело, военный отряд, который в народе называли батареей из-за нескольких пулеметов, нацеленных в небо, или здание сельсовета и школы. Там, при наличии в зданиях людей, жертв могло быть немало. Но народ разлетался по дюнам, как горошины, и это была спасительная тактика.

Если сегодня прогуляться вдоль морского побережья, заскочить ненадолго на «кошки», обнажающие на время отлива морское дно, то найти там можно многое, что даже «черным копателям» не снилось. Конечно, из-за морской соли, песка бывшая советская и германская мощь мало чем друг от друга отличаются, но из того, что мне удалось там увидеть и рассмотреть, – прибрежная территория напичкана (наверное, уже обезвреженными) снарядами, авиационными бомбами, немецкими фугасами и противолодочными минами. А в акватории реки Шойны прямо передо мной всплыла бочка из-под горячего с надписью «Вермахт», датированная 1944-м годом.

Те, кто знает немецкий, вполне смогут прочитать текст на крышке объекта времен Великой Отечественной. Видимо, эта цистерна была смыта или выброшена с борта фашистского корабля или подлодки. А может, вражеская субмарина была уничтожена нашими кораблями во время всплытия. Все это сегодня покрыто темными водами Баренцева или Белого морей. Удивительно, но даже сейчас в далекой Шойне, по прошествии 70 лет со дня начала великой войны, мы можем услышать ее эхо, потому что война – это боль, которая нас не отпускает!

Здесь война ощущалась острее

Материалы из газеты Нярьяна Вындер. Автор Ирина Ханзерова.

Воспоминания Валентины Артемьевны Ханзеровой, заслуженного учителя школы РСФСР:

– Когда немцы начали войну, я была ребенком, но помню, что в 1941-м из каждого стойбища на Канине людей начали призывать в армию. Стойбище за стойбищем – и вот в них остались только женщины и дети. Когда наши родные уходили на фронт, в Шойну с Канина их везли жены или родители. Перед моими глазами до сих пор стоит печальная картина: когда в стойбище возвращаются люди, ведущие за собой опустевшие нарты отца, сына или брата. Как помню, моего отца трижды призывали в военкомат, но каждый раз давали бронь. В годы войны именно на таких мужчин ложился весь основной груз ответственности. Помню, когда на фронт были призваны все его младшие братья и дядья, он переживал, но ему сказали, что люди-труженики очень нужны тылу, ведь фронт без помощи тыла – это ничто.

Зря говорят, что война нас здесь не затронула совсем: я помню, как над Шойной и над оленеводческими стойбищами летали бомбардировщики, бросали бомбы и стреляли из пулеметов, как над Баренцевым и Белым морями были видны вспышки от разрывов вражеских снарядов. Да, много жизней унесла эта война. Наши родные погибли, чтобы мы жили на земле, сохранили себя как народ. Сегодня мы заложили прекрасную традицию: на таких встречах говорить друг с другом только по-ненецки, ведь это нам тоже завещали наши предки.

Полина Фёдоровна Бобрикова свой рассказ начала так:

– Мой отец ушел на фронт в конце лета 1942 года. Хорошо помню этот день: жаркий и солнечный. Приехал человек из тунсовета и сообщил, что мужчинам нужно собираться в поселок. Отец мой тоже начал собираться вместе со всеми. Я, к сожалению, плохо помню, как он выглядел, небольшая еще была в те годы. Помню только, что был круглолицый, невысокий, с густыми черными волосами. Еще помню, как все ненцы после того, как чаю попили, собрались уезжать из стойбища. Мы тогда жили на Лабушке в местах наших летних кочевков на берегу большого озера. Сели оленеводы на свои упряжки, мы высыпали из чумов их провожать, я тогда сильно болела, но тоже выползла из чума, чтобы помахать отцу на прощание. Сейчас все еще перед глазами стоит, как быстро уносятся вдаль олени упряжки вдоль берега озера, как скрываются за холмами. Тогда мы видели нашего отца последний раз. Уже позднее, когда нас привезли в школу в Шойну, я узнала, что в поселке они были недолго, погрузили их на паром и увезли в Архангельск. А мы-то, когда собирались в школу, еще надеялись его в Шойне застать: оленя забили, тушу привезли в поселок, чтобы он мог поайбурдать, но, к сожалению, так его и не увидели. Рассказывали, что перед самой отправкой он заходил к нашим дальним родственникам попить чаю и очень переживал, кто поможет его семье, кто защитит его детей, ведь они остались без матери, а теперь еще и без отца. Очень он нас всех любил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.